

УДК 811.161.1'37

А. В. Пугачёва

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ЯДЕРНО-ПЕРИФЕРИЙНОЕ СТРОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЖЕНЩИНА» В ПОЭЗИИ И. КОРМИЛЬЦЕВА**

Розглянуто окремі теоретичні питання структурування текстового семантичного поля; опрацьована схема ядерно-периферійної розбудови семантичного поля «Жінка», яке репрезентоване у поетичних творах І. Кормильцева; для розмежування ядра й периферії запропоновано й апробовано оригінальний критерій ключових номінацій.

Ключові слова: семантичне поле (СП), текстове СП, ядро СП, периферія СП, зони периферії, критерій ключових номінацій, поетичні твори.

Рассмотрены некоторые теоретические вопросы структурирования текстового семантического поля; выработана схема ядерно-периферийного строения семантического поля «Женщина», репрезентированного в поэтических произведениях И. Кормильцева; для разграничения ядра и периферии предложен и апробирован оригинальный критерий ключевых номинаций.

Ключевые слова: семантическое поле (СП), текстовое СП, ядро СП, периферия СП, зоны периферии, критерий ключевых номинаций, поэтические произведения.

Some theoretical issues of the structure of the text semantic field are considered; the chart of differentiation of kernel and periphery in the structure of the semantic field "Woman" represented in poetic works by I. Kormilcev is worked out; for differentiation of kernel and periphery the original criterion of key nominations is suggested and approved.

Key words: the semantic field (SF), text SF, kernel of SF, periphery of SF, zones of periphery, criterion of key nominations, poetic works.

Теории поля в языкознании широкое распространение и развитие получили в XX веке, предметом исследования в них стали «группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип)» [9, с. 4]. В лексикологии в поля объединяются, разумеется, лексические единицы. Это стало новым и весьма перспективным разрешением вопроса о системности лексики.

Но дальнейшая разработка и применение полевого подхода перспективна не только для традиционной лексикологии, но и для такого направления, как когнитивная лингвистика, обретающая всё большую популярность в последние десятилетия. Характерными для этого направления являются понятия языкового концепта, языковой картины мира, концептосферы языка и т. п. Изучение явлений такого порядка в рамках лингвистики стало возможным в том же XX веке, когда формируется антропоцентрическая парадигма в языкознании, смещающая акцент с внутренней структуры языка на его связи с другими сферами деятельности человека, а потому включающая такие новые науки, как прагматика, психолингвистика, лингвокультурология и другие.

Работая с лексическим материалом при изучении какого-нибудь языкового концепта, исследователь во множестве случаев будет иметь дело с такими единицами, которые могут быть объединены в лексико-семантическое поле или несколько таких полей. Именно в этом мы и усматриваем связь теории полевой организации лексики с концептологией.

Особое место в языкознании всегда занимали исследования языка художественной литературы всех родов. Язык этот имеет свою специфику, которая на уров-

не лексики проявляється, прежде всего, в образности, в употреблении лексических единиц в непрямом значении. Поскольку наша работа касается языка поэзии, отметим, что изучение его актуально всегда, так как поэзия – очень существенная сфера функционирования языка, выявляющая его потенцию.

В современной поэзии, несомненно, нужно выделять явление рок-поэзии, знаковое для эпохи 80–90-х гг. прошлого столетия и не потерявшее, думается, своей значимости и сегодня. Конечно, особенности рок-поэзии проявились в её языке и заслуживают внимания языковедов. Поэтому материалом для нашего исследования стали стихотворения Ильи Кормильцева, являющегося представителем рок-поэзии. В его текстах нас будет интересовать языковое отражение представлений о женщине, поскольку наряду с представлениями о мужчине они относятся к «базовым концептам культуры» [5, с. 180]. В задачи нашей работы входит представление структуры семантического поля «женщина», репрезентированного в поэзии Ильи Кормильцева, на материале сборника его стихотворений «Скованные одной цепью» [1]. Объём выборки составляет 41 номинация.

На возможность и даже необходимость исследования функционирования лексических систем в тексте и в речи указывают многие исследователи, в частности Р. М. Гайсина [1, с. 32], Е. Л. Кривченко [4, с. 102], Т. Г. Пономаренко [10], А. П. Клименко и В. А. Симхович [3], М. Л. Новикова [6], Л. И. Фролова [13, с. 43], Н. С. Новикова [7] и мн. другие. Все они отмечают определённые особенности лексико-семантических группировок, имеющих место в тексте. Так, Т. Г. Пономаренко, ссылаясь на В. И. Кодухова, говорит о том, что если в словарном составе языка лексическое значение слова специализируется, то в контексте возможна актуализация любого компонента значения [10, с. 30]. А. П. Клименко и В. А. Симхович отмечают расширение лексико-семантических и тематических групп в структуре художественного текста за счёт окказиональных вкраплений, которые возникают в силу того, что в контексте художественного произведения «нередко ослабляются словарные особенности слова, т. е. те свойства, которые присущи ему как единице языковой системы, и актуализируются речевые особенности слова» (контекстуальная моносемантичность и контекстуально обусловленные семантические модификации) [3, с. 92]. Кроме того, исследователи заметили явление семантической иррадиации, которая «проявляется в том, что доминирующее тематическое поле подчиняет себе семантику слов других групп лексики, даже не сопряжённых с ним. Доминирующее поле вбирает в себя лексемы других полей в метафорическом значении» [3, с. 93].

Эти же исследователи предложили для обозначения лексической группы в тексте ввести понятие лексико-тематической группы (ЛТГ). При этом они подчёркивают отличие её и от ЛСГ и от тематической группы. ЛТГ может иметь ядро, совпадающее с ядром соответствующей ЛСГ, так как в ядро всегда входят слова, «однозначно и систематически обозначающие более общее понятие», периферия же будет разительно отличаться, поскольку «ЛСГ представляет собой объединение лексических единиц в системе языка, а ЛТГ – в тексте» [3, с. 97]. Тематическая же группа, по мнению исследователей, является одним из видов семантического поля, и ЛТГ может объединять в своём составе несколько тематических групп [3, с. 98].

М. Л. Новикова, сравнивая семантическое поле в тексте с полем в языке, отмечает, что первое «менее определённо и более подвижно, чем второе, определяется не жёсткой языковой системой, а закономерностями строения и развёртывания текста, актуальной значимостью её единиц, которые могут не принадлежать одному языковому семантическому полю. Текст может нейтрализовать различия единиц, относящихся в языке к разным полям, и, наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [6, с. 37]. Текстовое поле, по её мнению, «пред-

ставляет собой протяжённую, динамически развивающуюся структуру» [6, с. 38]. Объясняя это положение, она пишет, что «один член образного ряда образует необходимые условия функционирования других его членов, выступая по отношению к ним как своеобразный мотивирующий фактор» [6, с. 42].

Об особой – текстовой – тематической группе говорит и Н. С. Новикова. Она рассматривает функционирование и взаимодействие таких групп как основу семантической связности текста: «...использование в тексте членов одной тематической группы есть, прежде всего, повтор сем..., а при использовании слов одной тематической группы в удалённых друг от друга частях текста возникает, по-видимому, повтор тем. Всё это в совокупности с повтором слов ... создаёт единую общую тематическую сетку текста» [7, с. 9]. При этом она констатирует возможность взаимодействия в любом фрагменте текста целого ряда текстовых тематических групп и считает, что «именно своеобразие комбинации текстовых тематических групп в зависимости от содержания выступает, видимо, в качестве одного из условий самобытности, уникальности каждого художественного текста» [7, с. 11].

Поскольку в нашей работе речь пойдёт о лексической группировке, функционирующей в поэтических текстах, созданных в 80–90-х гг., приведём здесь мнение Н. А. Фатеевой, высказанное ею в статье «Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века», о том, что «в последнее время поэзия по преимуществу иррациональна и не только в своих второстепенных, но и в лучших представителях» [12, с. 268]. Насколько мы понимаем, под иррациональностью имеется в виду свободно-ассоциативное выстраивание поэтического текста, который внешне иногда может выглядеть даже бессвязным, но должен постигаться интуитивно.

Однако, независимо от рациональности или иррациональности, поэзия всегда характеризуется образным языком, употреблением лексических единиц в переносном значении, метафоричностью. Таким образом, в текстовое поле (группу) многие единицы будут входить своими вторичными значениями, а «вторичные значения в художественных текстах имеют чаще всего образный характер, обусловленный общим строем литературного произведения» [6, с. 38].

Следует отметить, что к исследованию отражения представлений о женщине в языке, речи и текстах уже обращались многие лингвисты и литературоведы. В языковедении это, в основном, изучение соответствующего концепта. Т. П. Шуба-Зимянина характеризует концепт «женщина» как «проекцию стереотипных представлений о женщине как носителя социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций» [14, с. 68]. Несомненно, что даже стереотипы подвержены изменениям. Поэтому, как пишет Л. Первушина, в литературе последних десятилетий XX – начала XXI века появляется новый образ женщины, который «признан литературоведами в качестве образа “новой женщины феминизма”, женщины особой культурной ситуации конца XX века» [8, с. 124]. Так что изучение концепта женщины возможно и в этом новом контексте.

Подчеркивая, что для выявления национально-культурной специфики концепта необходимо его сопоставительное изучение в языковом сознании разных народов [14, с. 68], Т. П. Шуба-Зимянина исследует концепт «женщина» в русском, белорусском и польском языках. Среди параметров оценивания женщины она выделяет две группы признаков, доминантных для поля «человек»: внешние признаки («внешность», «манеры», «поведение» и др.) и признаки внутреннего мира человека («свойства личности»: «ум», «душа» и т. д.) [14, с. 69]. Одним из выводов, полученных в результате её исследований, было то, что «в славянском языковом созна-

нии красота всё ещё тесно связана с нравственными качествами объекта оценки» [14, с. 70].

Д. Малишевская, называя в качестве характерологических свойств гендерных концептов «возрастные свойства, психофизические свойства, функциональные, интеллектуальные свойства и состояния, характеристику речевого поведения, различные формы деятельности, связанные со свойствами личности и т. д.», утверждает, что на их основании в языковом сознании обязательно формируются представления об *«идеале и антиидеале мужчины и женщины»* [5, с. 181].

Нужно признать, что такая оценочная направленность проявляется не только в лексике, составляющей синтагматическое окружение номинаций женщины, но и, как свидетельствует проведенное исследование, в самих этих номинациях.

Прежде чем приступить к изложению результатов организации номинаций женщины в поэзии И. Кормильцева в полевую структуру, сделаем еще несколько предварительных замечаний.

Общий объём поля составляет 41 номинацию: *ангел, Ариадна, бегущая вдаль, блядь, ведьма, двое, дочь, жена, женщина, звезда, зверь, Калипсо, классовый враг, кошка, летучая мышь, мама, мать, она, плачущая плоть, плебейка, плод вырожденья, подруга, Полина, птица, раба, раздетое лето, роза, свет, светило беззвёздных ночей, свобода, святая судья, сексуальный партнёр, сестра, смерть, спасенье, страна, судьба, ты, тьма, хозяйка нового мира, я.*

Аргументируем включение в состав поля некоторых номинаций. Во-первых, составные номинации. Разумеется, номинацию «летучая мышь» невозможно расчленить даже в общенациональном языке, так как это зоологическое название. А что касается таких номинаций, как «классовый враг», «плод вырожденья», «хозяйка нового мира», то здесь мы не можем оставить только стержневое слово в данных словосочетаниях, поскольку только в своём целом они выражают заданные поэтом десигнаты.

Во-вторых, номинации, включающие субстантивированные слова несубстантивных классов. Словосочетание «бегущая вдаль» мы встречаем в тексте И. Кормильцева в пре- и постпозиции к существительному «звезда», и в этих случаях не может быть речи о субстантивации. Однако это же словосочетание является заголовком всего текста и, кроме того, встречается в нём вообще без предшествующего или последующего определяемого существительного. Это дало нам основание отнести его к рассматриваемым в данной работе номинациям.

Собирательное числительное «двое» мы также считаем субстантивированным, поскольку такая возможность указывается даже в соответствующей словарной статье в словаре Ожегова, где допускается употребление его «без зависимого слова» и приводится пример: «Встретил двоих». Аналогичен контекст у И. Кормильцева: «мы очень легко отыскивали двоих».

В-третьих, личные местоимения «она», «ты» и «я». Как пишет Ю. Н. Караулов, «вопрос о включении или невключении в семантическое поле слова, имеющего общие компоненты с ядром, решается сравнением этого слова с именем поля по четырём характеристикам: денотату, десигнату, метадеготату и метадесигнату» (метадеготатом и метадесигнатом он называет соответственно класс денотатов и класс десигнатов) [2, с. 63]. Хотя в словарных дефинициях личных местоимений мы не встретим компонентов, общих со значениями слова «женщина», однако способность местоимений к замещению подразумевает возможность актуализации практически любого (особенно в художественном тексте) компонента значения, или, говоря словами Л. Н. Синельниковой, «дискурсивная семантика местоимений не имманентна их семантике в языковой системе» [11, с. 43]. Таким образом, соотносённость указанных местоимений с денотатом (предметом или явлением

реальной действительности) и метаденотатом, а стало быть, и с десигнатом (отражением предмета в сознании, или понятием о предмете) и метадесигнатом «женщина» не вызывает сомнений. Кроме того, в художественном тексте, в отличие от языка вообще, местоимение может выполнять не только дейктическую функцию, но и непосредственно номинативную. Особенно это показательно тогда, когда полноценной лексической номинации данного предмета в тексте нет, «что согласуется с особенностями такого рода нарратива» и может отвечать запланированной автором «нацеленности на всеобщность и неопределённость» [11, с. 88].

В порядке построения поля мы пойдём за Р. М. Гайсиной, которой «более целесообразным представляется применение дедуктивного метода», т. е. путь «от общего значения поля через значения отдельных частеречных областей, отдельных семантических классов и подклассов в составе поля к значениям отдельных лексических единиц» и определение значения каждой лексической единицы «как результата сложного взаимодействия общего, “полевого” значения, парадигматических значимостей разного порядка и индивидуальных, несопоставимых элементов значения» [1, с. 35].

Определим общее значение поля. В словаре Ожегова даны два значения слова «женщина», в БТС и в 4-томнике – одно, включающее оттенки, один из которых совпадает со вторым значением по Ожегову. Поскольку значения (или значение и его оттенки) состоят в иерархических отношениях, то, согласно методике Н. С. Новиковой, инвариантным будет главное значение. После обобщения толкований, данных в трёх словарях, получим значение «лицо, противоположное мужчине по полу». Это и будет общим, или инвариантным, значением поля.

Определим ядерную часть поля. Кроме имени поля, «к ядру присоединяются слова, значения которых имеют общие компоненты с ядром» [2, с. 61]. Однако многие элементы нашего поля употреблены в метафорическом значении, которое в контексте стихотворения имеет сему «женщина», однако в общеязыковом значении такой семы у них нет. Поэтому прежде всего в состав ядра следует включить те номинации, которые имеют её в своём словарном значении. Но и тут нам видится некоторое препятствие, обусловленное тем, что в системе художественных текстов определённого автора в ядро поля могут входить номинации, находящиеся на периферии языкового поля, и напротив, ядерные для языкового поля элементы могут не иметь такой значимости в авторских текстах. В связи с этим, вероятно, следует учесть частотность отобранных нами единиц в стихотворном сборнике И. Кормильцева как показатель их значимости.

Исходя из сказанного, в *составе ядра* окажутся слова «женщина» (9 употреблений в 6 текстах), «ты» (57 употреблений в 12 текстах) и «она» (42 употребления в 7 текстах). При этом по поводу местоимений заметим, что в 5 («Доктор твоего тела», «Под прицелом твоих окон», «Новая любовь», «Я хочу быть с тобой», «Эта музыка будет вечной») из 12 текстов «ты» является единственным способом обозначения денотата «женщина», а в тексте «Казанова» «ты» лишь дважды получает и полноценное лексическое определение: «ты – моя женщина» и «ты светишься бронзой – раздетое лето». Причём это не значит, что «ты» полностью тождественно «моя женщина» (или «раздетое лето») и замещает эти вторые номинации, а значит только то, что объекту, названному словом «ты», приписывается определённый признак (из множества возможных). Лексема «она» выступает в качестве единственного обозначения денотата в 2 текстах из 7 («Падал тёплый снег» и «Она ждёт любви с Востока и Запада»). В тексте «Ален Делон» один и тот же денотат получает обозначение обоими местоимениями «ты» и «она».

Как видим, более значимым оказывается не столько общее количество употреблений некоторой номинации во всех рассматриваемых текстах, сколько количе-

ство разных текстов, в которых эта номинация встречается, поскольку повторение её в одном и том же тексте, в котором создаётся какой-то один определённый образ женщины, по-видимому, несущественно. Кроме перечисленных уже единиц, отнесённых нами к ядру поля, более чем в одном тексте встречаются также слова «мать» (8 употреблений в 3 текстах), «сестра» (3 употребления в 2 текстах) и «зверь» (2 употребления в 2 текстах соответственно). Однако частотные показатели слов «сестра» и «зверь» несопоставимы с показателями вышеупомянутых слов. А слово «мать», хотя и обладает относительно высокой частотностью, однако имеет более конкретное значение, входит в гиперо-гипонимические отношения со словом «женщина» и не отвечает условию синонимии ядерных элементов (впрочем, как и другие два названных слова).

Все остальные номинации женщины встречаются если не один раз, то в пределах не более чем одного текста. Поэтому для них критерий частотности при определении того, как далеко они отстоят от ядра, не всегда будет адекватен. Нерелевантным для нашего поля представляется и признак стилистических ограничений, поскольку единицы «эмоционально-окрашенные с яркими оценочными семами» и с другими коннотативными компонентами вообще очень характерны для поэтической речи.

Исследователи текстовых лексических полей указывают некоторые признаки деления таких полей на ядро и периферию, однако нигде мы не встретили разработок в направлении зонального деления их периферии. Поэтому мы осмелимся предложить (хотя бы применительно только к нашему материалу) свой критерий. Поскольку большинство отобранных нами единиц функционируют каждая в пределах какого-то одного определённого текста, попробуем выделить среди них такие, которые являются для данного текста ключевыми, определяющими в целом образ женщины, заданный в этом тексте. Назовём наш критерий *критерием ключевых номинаций*. Определить, какая номинация является ключевой, нам помогут, прежде всего, заголовки текстов. Будем считать, что номинация, вынесенная в название, находится в ближней периферии, так как название идентифицирует весь текст в целом, а значит, образ женщины, выраженный в этой номинации, оказался настолько значим для автора, что он посвятил его раскрытию целый текст.

На этом основании к *ближней периферии* мы относим такие единицы: *Ариадна, бегущая вдаль, зверь, Калипсо, кошка, летучая мышь, мать, плебейка, Полина*. Прокомментируем включение слов «кошка», «мать» и «зверь». Хотя слова «кошка» нет в самом названии текста, однако и последнее («Когти»), и сам текст содержит слова, подтверждающие раскрытие в нём именно образа женщины-кошки («крупная рыжая кошка из тех что боятся росы», «она избегала рук», «она зашипела в углу» и многократное «когти»). А образ матери является ключевым для стихотворения «Паркет» наравне с образом сына. Что же касается слова «зверь», хотя оно не является «ключевым» согласно нашему определению, однако, во-первых, его частотность всё же выше других, а во-вторых (и это более существенно), оно является гиперонимом по отношению к словам «кошка» и «летучая мышь», которые мы определили как ключевые. А, как известно, гипероним не может отстоять от ядра дальше, чем его гипонимы.

Если для ближней периферии мы нашли относительно чёткий признак, то для разграничения периферии дальней и крайней такого всеобщего признака нам не представляется. Однако мы склоняемся к тому, чтобы к *крайней периферии* отнести:

Во-первых, слово «двое». Аргументом этому нам кажется то, что окказионально появившаяся в значении этого слова сема «женщина» (ведь контекстуальное значение данного числительного: «две женщины») как бы «стушёвывається»

основной семьей «два», поскольку не подкрепляется образностью, метафоричностью на основе какого-либо сходства женщины с денотатом этого слова.

Во-вторых, выражения «раба», «свобода», «святая судья» и «судьба». Их соотносённость с денотатом «женщина» опосредована. В тексте «Иван Человеков» «женщина» – это персонифицированная смерть. Поэтому в строках:

я знаю эту женщину*
одни зовут её – свобода
а другие – судьба
и если для первых она раба
вторым она святая судья, –

речь идёт о смерти, но через посредство образа женщины.

На границе дальней и крайней периферии мы поместим слово «сестра». В одном из двух текстов оно употреблено в качестве прямой номинации, зато в другом – это ещё один случай персонификации явления действительности (темноты).

Оставшиеся единицы отнесём к *дальней периферии*: ангел, блядь, ведьма, дочь, жена, звезда, классовый враг, мама, плод вырожденья, плачущая плоть, подруга, птица, раздетое лето, роза, свет, светило беззвездных ночей, сексуальный партнёр, смерть, спасенье, страна, тьма, хозяйка нового мира, я.

Итак, опираясь на достижения предшествующих исследователей, а также применяя собственные критерии, мы структурировали семантическое поле «Женщина» в поэзии И. Кормильцева, выделив в нем ядро и три зоны периферии: ближнюю, дальнюю и крайнюю. Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в выявлении парцельной (секторной) структуры поля и в установлении парадигматических и синтагматических отношений между единицами поля.

Библиографические ссылки

1. **Гайсина Р. М.** Межчастеречные семантические поля / Р. М. Гайсина // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. – Уфа, 1988. – С. 31–38.
2. **Караулов Ю. Н.** Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
3. **Клименко А. П.** Лексико-семантическая группа в структуре связного текста / А. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград, 1990. – С. 90–99.
4. **Кривченко Е. Л.** К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е. Л. Кривченко // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 99–103.
5. **Малишевская Д.** Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода / Д. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 180–184.
6. **Новикова М. Л.** Остраннение как языковая структура текстового поля / М. Л. Новикова // Филологические науки. – 1999. – № 6. – С. 37–44.
7. **Новикова Н. С.** Тематическая группа как семантический компонент текста / Н. С. Новикова // Русский язык в национальной школе. – 1985. – № 5. – С. 8–13.
8. **Первушина Л.** Образ женщины в произведениях современных американских и белорусских писателей / Л. Первушина // Национально-культурный компонент в тексте и языке. – Ч. 2. – Минск, 2009. – С. 124–126.
9. **Полевые структуры в системе языка** / науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж, 1989. – 200 с.
10. **Пономаренко Т. Г.** Лексико-семантическая группа и её обусловленность / Т. Г. Пономаренко // Языковые значения. – Л. : ЛГПИ, 1976. – С. 29–35.
11. **Синельникова Л. Н.** Местоимение в дискурсе / Л. Н. Синельникова. – Луганск, 2009. – 412 с.

* Цитата приведена с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

12. **Фатеева Н. А.** Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века / Н. А. Фатеева // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 50 (4). – С. 416–434.
13. **Фролова Л. И.** К вопросу о лексико-семантических группах в курсе современного русского языка / Л. И. Фролова // Лингвистический сборник. – 1975. – Вып. 3. – С. 34–44.
14. **Шуба-Зимянина Т. П.** Аксиологические особенности концепта женщина в русском, белорусском и польском языках / Т. П. Шуба-Зимянина // Национально-культурный компонент в тексте и языке. – Ч. 2. – Минск, 2009. – С. 68–70.

Словари

15. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000.
16. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999.
17. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Источник фактического материала

1. **Кормильцев И. В.** Скормленные одной цепью / И. В. Кормильцев. – М., 1990.

Надійшла до редколегії 28.05.10

УДК 811.111'37

О. П. Ришкова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЗАСТОСУВАННЯ МАНІПУЛЯЦІЙНИХ СТРАТЕГІЙ ДЛЯ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ *ТЕРОРИЗМ* У СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Присвячено розгляду характерних особливостей маніпуляційних комунікативних стратегій, застосовуваних у мові масмедіа. Проаналізовано специфіку вербалізації концепту *ТЕРОРИЗМ* у сучасних англійських медіаджерелах.

Ключові слова: комунікативна стратегія, комунікативність, маніпуляція, концепт.

Посвящена изучению характерных особенностей манипуляционных коммуникативных стратегий, используемых в языке массмедиа. Проанализирована специфика вербализации концепта *ТЕРРОРИЗМ* в современных англоязычных медиаисточниках.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативность, манипуляция, концепт.

The article deals with the survey of the characteristics of the communicative manipulation strategies used in the mass-media language. This phenomenon is illustrated by example of the analysis of the concept *TERRORISM* verbalization in the modern English media-sources.

Key-words: communicative strategy, communicativeness, manipulation, concept.

В одній із своїх робіт відома російська дослідниця О. С. Іссерс влучно зазначає: «Напевно, із самого моменту свого зародження мова стала використовуватися з метою впливу та маніпуляції. І той наш древній предок, який здогадався використовувати у якості знаряддя впливу слово, а не ломаку, був, безсумнівно, одним із перших маніпуляторів» [2, с. 74]. Дійсно, з початку свого існування людина намагалася вплинути на свідомість та поведінку іншої людини. З плином часу набір та-